

ГОРОДСКАЯ ПРОЗА

Игорь
ГАТИН

ПЕРЕСТРОЙКА

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г23

Гатин, Игорь.

Г23 Перестройка / Игорь Гатин. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 320 с. — (Городская проза).
ISBN 978-5-17-146034-1

Конфуций предостерегал : «Не дай вам бог жить в эпоху перемен!» А если ты молод и напорист? В том же китайском языке слово «кризис» состоит из двух иероглифов — «опасность» и «возможность».

Перестройка, запущенная Горбачёвым с самыми благими намерениями в конце 80-х, как это часто в России случается, повлекла за собой совсем иные последствия, нежели планировалось. Её результатом станет кризис советской идеологии, и в конце концов СССР рухнет. Идеологический кризис неминуемо приведёт к экономическому. 99% населения враз потеряет свои накопления и окажется за чертой бедности, вчерашняя номенклатура стремительно люмпенизируется вместе с простыми гражданами. Но пока этого никто не понимает, большинство предпочитает плыть по течению, которое, однако, непривычно ускоряется. Самые активные интуитивно пытаются грести против.

Обычный парень Рома живёт и перестраивается вместе со страной...

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

Ф.И. Тютчев . <1829>, начало 1830-х годов.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Текст. Игорь Гатин, 2022
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»,
2022
ISBN 978-5-17-146034-1

По России мчится тройка —
Мишка, Райка, перестройка!

*Народный фольклор
второй половины 80-х*

Часть I. ДЕМБЕЛЬ

Он бежал. Бежал просто так, куда глаза глядят. Был ноябрь, сыро и стыло. Он бежал и наслаждался. Хмурым рассветным небом, крупными каплями холодного дождя в лицо, лужами под ногами. Свободой. Свободой бежать куда глаза глядят. Или не бежать... Солнца не было на небе, но оно билось в груди. Сегодня пятнадцатое ноября 1986 года. Ровно два года назад за его спиной захлопнулись зелёные ворота с красными звёздами. Началось современное рабство под названием долг родине. И он его отдал. Больше не должен! Это такое счастье — не иметь долгов! И бежать куда глаза глядят.

Он не чувствовал усталости, потому что был молод и хорошо тренирован. Нет, не благодаря службе. Скорее вопреки ей. За то, что тренировался там, в армии, нарушая распорядок дня, пришлось даже отсидеть на губе. Ну, отсидел и отсидел. Всё в прошлом, но он боится в это поверить. А потому наслаждается каждой минутой свободы, не уставая радоваться простейшим вещам: койко-месту в общежитии, пузатым троллейбусам и шумному метро, студенческой столовой, где ты волен выбирать, а не есть из котла на десятерых, который на деревянный стол лениво швыряет дневальный, девушкам вокруг. Он не видел девушек два года. Их не было на ракетной точке в казахской пустыне Бетпак-Дала. Радовался тому, что наконец-то полноценный студент

МГУ дневного отделения второго курса экономического факультета. Правда, сессия на носу, и всё забылось за два года. Но это мелочи. Он чувствует в себе силы горы свернуть. После школы старшины Осокина и комбата Бреславского он эти горы в бараний рог закрутит! Да и сам теперь старший сержант. К счастью, запаса.

Он бежал, не разбирая дороги, перемахивая изгороди и заборчики, поставленные для обычных, культурных людей. Если кто-то думает, что армия сделала из него послушного члена общества, то — нет! И ещё раз — нет! Дисциплинированного и организованного, вместо бывшего разгильдяя — да. Но безропотно щиплющего траву в бараньей отаре, тотчас повинующегося окрикам пастуха и рычанью овчарок — не дождётесь! Если армия чему-то и научила, так это — куда бы строем ни шли, а попадают всегда в одно и то же место, а именно к зебре под хвост. Чужие приказы всегда противоречат твоим интересам. Да хватит уже про службу — он свободный человек! Хотя как забыть два года, вырванные из юности... «Кто не был, тот будет! Кто был, не забудет!»

Впереди показался уже не заборчик, а добротный железобетонный забор в полтора человеческих роста. А вот и не сверну! Прыжок, выход силой, и забор под ним. Взгляду открылись ухоженные аллейки среди всё ещё зелёных газонов. Интересно, что это за место? Он перекинул ногу.

— Эй, клоун, ты куда? — крепкий мужик с метлой смотрел на него снизу вверх, не скрывая усмешки.

— Я ща спрыгну и покажу, кто из нас клоун! — за напускной грубостью он старался скрыть

обескураженность. Что-то здесь было не так, но гордость не позволяла показать собственную растерянность. Мужик ни разу не напугался, но и на рожон не полез:

— Чтобы отсюда бежали, доводилось видеть. Но чтобы сюда, не припомню! — дворник откровенно скалился. Армия учит вовремя рубать заднюю даже отчаянных башибузуков, и он не преминул воспользоваться свежим опытом:

— Ладно, мужик, что это за место?

— Это Кащенко, сынок! Так что милости просим...

Вот же угораздило! Он без стеснения прыгнул обратно. Не найдя нужным попроситься. Всё равно здорово! Кстати, его зовут Рома. Ну так, на будущее...

С ним в комнате ещё четыре первокурсника. Армянин Артур, стройный, симпатичный и обаятельный, с ямочкой на подбородке и ранней щетиной на семнадцатилетнем лице. Девчонки в него влюбляются с первого взгляда. А он в них. По вечерам Артур надевает модные узкие брюки и белую рубашку с модным же узким галстуком. И так отправляется в столовую на первом этаже. И почти не случалось, чтобы после ужина он не привёл в комнату какое-нибудь испуганное юное создание в короткой юбке и шлёпках на босу ногу. Однако в комнате полно народу, а закрываться с Артуром в ванной создания, как правило, отказывались. Во всяком случае, с первого раза. Впрочем, второй шанс редко кому выпадал. Потому что Артур всё время приводил новых. И не только после ужина. Артур — талантливый

математик, победитель чуть ли не всесоюзной олимпиады. Но ужасный лентяй. Ромка ни разу не видел, чтобы он ходил в универ или занимался дома. Ему некогда, он весь в отношениях. Они зовут его Артурчик.

Ещё в комнате водился монгол Гансухэ Бадамсетдин, по прозвищу Гансушка. Прозвище ему дал Артурчик. С круглого как блин лица Гансушки не сходила добрая, чуть смущённая улыбка. Его отец был крупным партийным боссом на родине в Монголии, а Гансушка — простодушным и открытым семнадцатилетним ребёнком, который иногда всё-таки посещал лекции и семинары, но ничего не понимал. Потому что вообще по-русски понимал не очень. Они научили его виртуозно ругаться матом. Так что в любом случае в МГУ он поступил не зря. Целыми днями эти два ребёнка дурачились, боролись, кидались тапками. Побеждал всегда Артурчик и, заломав Гансушку, начинал его мучить. Жертва отчаянно вопила и хихикала одновременно. Было громко и весело. Своими криками они мешали Валерке, третьему постояльцу комнаты 1105.

Морячок Валерка, отслуживший три года на Тихоокеанском флоте, прошёл через рабфак. Нет, ему не мешали заниматься. Ему мешали играть на гитаре и петь бардовские песни. На занятия он тоже не ходил. И вообще никуда не ходил, кроме столовой, а целыми днями сидел в тельняшке и трениках на своей койке, играл на гитаре и разучивал новые песни. Сначала Ромке очень нравилось. А потом надоело. Потому что песни были одни и те же. Да и пел Валерка не очень.

Ожидаемо всех троих после первого курса отчислили. Но это ещё впереди, а пока они — одна большая дружная семья. И очень весёлая. Вот только Ромке учиться надо... Пятая койка формально была свободна, но на ней почему-то всегда ночевал земляк Артурчика Оганез с биофака. Притом, что у него имелось своё койко-место в соседнем корпусе. Видимо, у них веселее. Утром Ромка вставал один. Пока все дрыхли, он беззастенчиво доедал, если что-то оставалось с вечера, и ехал на занятия. Особенно ему нравилось айвовое варенье, которое Артурчику регулярно присылали из дома. Однажды сам не заметил, как съел почти всю банку. Неудобно, конечно, перед друзьями, но очень питательно. Опять же, сладкое полезно для мозгов. А соням оно вообще ни к чему.

Учёба была напряжённая. Приходилось нагонять всё благополучно забытое за два года службы, потому что забылись не только методы решения дифференциальных уравнений, но даже родная речь. Ромка со смущением вспоминал сцену из недавнего армейского прошлого. Ленинградец Никишин, один из немногочисленных русских в батарее, заметил ему как-то: «Товарищ сержант, вы сами-то поняли, что сейчас сказали Абаеву?» Он недоумённо уставился на бледного доходягу в очках. Тот выдержал взгляд и повторил за ним: «Кутынгясскеджаляб, шинель на вешалку поставь, берёнэткхунэм, а то рога обломаю!» А ведь когда-то его сочинение про дедушку Ленина заняло второе место на всероссийском конкурсе и он был награждён путёвкой в Артек. А теперь голова, отвыкшая от умственной

деятельности, просто дымилась от напряжения. После занятий он шёл в читалку и возвращался в общагу поздно вечером.

В комнате, как правило, веселье было в самом разгаре. Пел Валерка, хихикали незнакомые барышни, големом выхаживал Артурчик, смущался и оттого смешно сквернословил Гансухэ. Ромке требовались недюжинные усилия, чтобы не нырнуть с головой в этот чертовски привлекательный омут. Тем более что некоторые девушки посматривали на него весьма благосклонно. И это после двухлетнего великого поста! Берёнэткхунэм! Но служба научила жёстко расставлять приоритеты. Не для того он семьсот тридцать дней мёрз, потел, голодал и ждал, чтобы сейчас накатить стакан портвейна...

Когда у остальных закончилась сессия, а он ещё только сдавал зачёты, стало совсем тяжело. Все, кто не уехал домой, отрывались по полной. Бухали даже первокурсницы! Артурчик, словивший две пересдачи, перегородил комнату шкафом, соорудив некое подобие интимного алькова в углу, и водил туда тёпленьких малышек. Почти каждую ночь из-за шкафа раздавались стоны и всхлипывания.

Глубокой ночью Ромка сидел за столом и при свете настольной лампы готовился к предстоящему утру зачёту. Готовился — это громко сказано. На самом деле у него плавилась голова. И не только голова. Когда звуки из-за шкафа стали особенно невыносимы, он не выдержал и, чтобы как-то приглушить чужое счастье, поставил на проигрыватель винил с классикой, а именно «Реквием» Моцарта. Неизвестно откуда столь неподходящая

пластинка взялась в их фонотеке, но уже первые аккорды принесли желанный результат — стоны прекратились. А когда величественно и зловеще грянул хор, раздался тонкий, совсем юный голос: «Артурчик, я так не могу...» И не смогла... У них в комнате процветала демократия, граничащая с анархией. Ромка не мог запретить Артуру приводить девушек, а тот, в свою очередь, не мог запретить соседу слушать музыку, которая ему нравится... Правда, наутро пластинка исчезла...

В другой раз, тоже ночью, перед экзаменом по математике, когда вся комната отмечала Валеркин день рождения и к ним завалились его друзья-морячки, Ромка, как ренегат Каутский, отказался пить «морской ром», представлявший собой разведённый спирт с вишнёвым вареньем. Чтобы не мешать всеобщему веселью и одновременно не заснуть от двоющихся в глазах уравнений, пришлось забраться в ванну с холодной водой и там читать конспекты. В холодной воде он выдержал минут пятнадцать, но не заснул уже до утра, такой ознобил его потом.

Сдать сессию представлялось практически нереальной задачей. С учётом разницы между дневным и вечерним отделением, с которого он перевёлся прямо перед армией, ему предстояло сдать семь экзаменов и тринадцать зачётов. Но главная проблема, конечно, это математика. Матанализ, теория вероятностей, методы оптимальных решений — одни названия навевали тоску и чувство безысходности. Однако майор Бреславский любил повторять: «Кто не хочет, ищет причину. Кто хочет, находит возможность...». А сержант Осокин

предпочитал менее завуалированные выражения: «Не можешь — научим. Не хочешь — заставим!», «Не доходит через голову, дойдёт через ноги!». Ромка не хотел через ноги. Он хорошо знал, как это происходит...

И вот наступает утро. Он едет на экзамен в автобусе №119 и рассматривает через заиндевшее стекло нахохленных, спешащих по морозцу прохожих. Город исполнен чёрно-белых тонов. Чёрные фигурки на белом фоне. И над всем нависает неласковое пасмурное небо. Скрипучий, как дверь на ветру, голос: «Следующая остановка — ДК МГУ». И треск в динамике...

Как можно сдать матанализ доценту Вострякову, если ты вернулся два месяца назад с девственно-чистой головой, в которой не было ничего, кроме статей Устава Вооружённых Сил СССР? Он заходит в просторное фойе факультета, сдаёт модную куртку-аляску в гардероб и поднимается в лифте на пятый этаж. Куртка Артурчика, но тот будет спать до обеда, и ему она сейчас ни к чему. В большом вместительном лифте вместе с Ромкой едут сотрудники кафедр и преподаватели. Студентов на факультете почти не осталось — каникулы. Он исподволь рассматривает женщину-доцента кафедры истории КПСС. На первом курсе она влипла ему банан и отправила на пересдачу, где он благополучно получил пятёрку у другого препода. Совершенно не готовясь. Экзамен — это не только и не столько проверка знаний, это скорее естественный отбор на место под солнцем. Даже пасмурным утром...

Доцент Востряков видит, как списывает студент... Как там его? Он открывает зачётку — студент Романов.

С фотографии на доцента смотрит мальчишка в военной форме. Совсем юное лицо, внимательный взгляд, сержантские лычки на погонах. Востряков сам не замечает, как неожиданно уносится мыслями далеко от аудитории. Сын академика, автора учебника «Основы математического анализа», Андрюша Востряков с детства упорно опровергал известный тезис, что природа отдыхает на детях одарённых людей. Высокий, статный волейболист, в которого были влюблены все одноклассницы, а потом однокурсницы, рано женился и рано стал доцентом. Одним из самых многообещающих молодых учёных МГУ! Он уже лет десять находится в этом статусе, и постепенно стали отваливаться прилагательные: самый, многообещающий, молодой. А также словосочетание «всё впереди!». Принципиальный и безжалостный доцент, гроза студенток, надевающих на экзамен мини-юбку, незаметно вздохнул, отвернулся к окну и почему-то не стал выгонять студента Романова из аудитории...

Обратно в общагу Ромка бежит вприпрыжку. Ему не нужен автобус. В кармане зачётка с бесконечно дорогим тroyком по матану! Те же улицы выглядят разноцветными, и кажется, что люди улыбаются в ответ!

С гуманитарными предметами дела обстояли гораздо лучше. В его арсенале имелся неплохо подвешенный язык, прекрасная память и приобретённое на политзанятиях искусство беззастенчивой демагогии, как нельзя лучше подходящее к советским общественным наукам. Не в пример легче доказывать, что бога нет, потому что не может быть никогда, нежели решать